

Ничем особенным не поступаясь, готов признать, что в истолковании упоминаемого здесь закона 1928 года я хоть и не разошёлся с его буквой, но допустил весьма большие натяжки. Кроме того, я заимствовал нужное прозвище у старого друга – будь он жив, он простил бы меня. Так или иначе, книга не о нём и не о его семье; люди и события – вымышленные. И может, ему понравилось бы, как я распорядился прозвищем, которым мы наделили его столь любовно.

Бетти Арбакл, исключительно добропорядочная женщина, природная красавица и ревностная евангелистка, чувствовала, что с Плевакой Мак-Фи надо что-то делать. Мальчик не знает настоящего родительского присмотра, растёт босоногим дикарём; он нуждается в воспитании, а какое воспитание может дать ему дед, полубезумный старик, который скоро окончательно выживет из ума? Старый Файф Мак-Фи поселился здесь, в Сент-Элене, что в австралийском штате Виктория, довольно давно, и с самого начала многие считали его чудачком; в последние же несколько лет шотландец и вовсе прослыл помешанным.

Сам Плевака частенько вступал в бой с мальчишками, девчонками, а то и со взрослыми, если видел, что они провожают Файфа смешками или крутят пальцем у виска. Впрочем, быть или не быть стычке, зависело от того, как сам Плевака настроен по отношению к деду, не в ссоре ли они, – порой, хотя и редко, Плевака воспринимал насмешки над дедом равнодушно. Зато в другой раз, решив не давать спуску, яростно наскакивал на обидчика: подростка бил кулаками, мужчину пинал своими босыми ногами в голень, и, надо сказать, пребольно.

Прелестную Бетти особенно заботило, что припадки безумия у старика затягивались и Плевака всё чаще оказывался

без присмотра, ведь жили старик и мальчик в стороне от людей, у реки. Плевака представлялся Бетти Арбакл кем-то вроде бродячего пса, которого либо берут в дом и ухаживают за ним, либо пристреливают. Бетти начала тревожиться за судьбу ребёнка с того самого дня, когда он появился в Сент-Элене; теперь ему уже десять лет — почти одиннадцать! — и он нуждается в лучшем пристанище, чем смог дать ему дед.

Вот почему Бетти так беспокоилась за мальчика; впрочем, она прекрасно знала, что не все жители городка разделяют её озабоченность. Всякий раз, как она, желая навестить старого Файфа, подходила к его странному — под стать хозяину — дому у реки, Файф и Плевака принимались орать на неё из окошка. Старик бранился на англо-шотландском диалекте, а иногда и на древнем непонятном наречии шотландских горцев. Кричал, чтобы не совала нос в чужие дела и убиралась к чёрту, угрожал. А однажды из дома выскочил Плевака с ведром воды и окатил её с головы до ног. Спустия

несколько часов, страдая, но не желая ожесточаться против мальчика, по-прежнему полная решимости сделать ему добро, Бетти вернулась вместе с полицейским, сержантом Коллинзом. Она призывала его подействовать на старика, чтобы тот не подавал ребёнку дурной пример.

Плевака с дедом видели, что идёт сержант Коллинз. Вернее, слышали, потому что полицейский нарочно стал издали кашлять, — и крепко заперли дверь. Но сержант попросил их выйти и извиниться перед миссис Арбакл, иначе придётся принять меры.

— Кого-кого? — крикнул из-за двери Файф Мак-Фи. — Дурень ты, Коллинз! Убирайся вместе с этой безмозглой бабой, а то и тебе достанется. Вон из моего сада! — В голосе слышалась больная ярость.

Сержант Коллинз не хотел принимать ничью сторону — ни Бетти Арбакл, ни обитателей домика, — однако рывкнул для острастки:

— Но, но! Язык не распускай! Живо привлеку!

— Привлёк один такой! Дурень ты и есть. Убирайся к чёрту! — Файф гневно застучал кулаками по двери.

Видя, что от старика, кроме новой брани, ничего не добьёшься, Коллинз пошёл со двора и вывел с собой миссис Арбакл, невзирая на её возражения. Сердито пнув ногой ком сухой глины за калиткой, он сказал:

— Ничего не поделаешь, миссис Арбакл. Они не нарушили никакого закона. А что старик сумасшедший, меня не касается.

— Но ведь мальчик растёт как африканский язычник!

— Это и подавно не моё дело. Хотите что-то предпринять — обращайтесь в совет графства или к мировому судье. К кому угодно, но не ко мне. И учтите, вы не имеете права инспектировать жилище и говорить старику, что заберёте мальчика.

— Я такого не говорила.

— Но хотите-то вы именно этого. Только полиция вам не поможет.

— Вы рассуждаете не по-христиански...

Пламень веры осенял прелестный облик Бетти. Слово отрекаясь от собственной прелести, Бетти делала короткую, как бы неженскую причёску, носила унылые бесформенные платья, туфли с пряжками, на низком каблуке. Но, увы, стараясь себя обезобразить, Бетти лишь невольно подчёркивала свою красоту. Домашних — мужа и двоих детей — она также приучала к скромности, воздержанности; вид размалёванного домика Файфа Мак-Фи, привычка старика разгуливать ночью по улицам и орать у людей под окнами убеждали её наглядно: Файф Мак-Фи, кто бы он ни был — нормальный или сумасшедший, — нечто вроде дьявола во плоти.

Да и то сказать, дикая внешность старика подходила для этой роли; и, хотя он жил в Сент-Элене больше десяти лет, о его прошлом не знали ровно ничего — может быть, здесь какая-то мрачная тайна? Скрытность Файфа, враждебные выкрики в ответ на любой вопрос,

внезапные припадки безумия и, наконец, появление в городке пять лет назад его маленького внука — всё вселяло смутную тревогу...

Вот уже Бетти Арбакл поднялась по береговому откосу, перешла железнодорожную линию — далеко позади домик Мак-Фи, — но в душе по-прежнему спорила с сержантом Коллинзом, доказывала, что нельзя оставлять ребёнка на произвол судьбы. Нужно непременно отобрать его у зловещего старика и устроить в дом воспитания для мальчиков, который находится в Бендиго и принадлежит секте евангелистов.

«Это необходимо для его же блага», — говорила Бетти.

Файф Мак-Фи обосновался в Сент-Элене вскоре после Первой мировой войны и уже в ту пору казался стариком: был он маленький и худой, с колючими блестящими глазами на заросшем седой щетиной землистом лице; всё время кричал, словно был туг на ухо; носил старую мятую шляпу, надвинув её чуть не по самые брови. Никто ни разу не встречал его без этой шляпы, она сидела так, будто приросла к голове.

Он прибыл в запылённом фургончике, который прекрасно знали во всех городках степной округи: фургончик доставлял товары в магазины торговой фирмы О. Гилпина. В следующий приезд фургончика жители Сент-Элена, успевшие поразиться облику Файфа, пустились расспрашивать водителя о приезде. Узнали немного: старик сел в Манангантанге, заплатил пять шиллингов, вылез, не доезжая милю, — водитель не имел права брать пассажиров и боялся, что директор местного магазина О. Гилпина заметит в кабине постороннего. И мало кто видел тем утром, как по обочине дороги вошёл в город старик с чемоданчиком

и деревянным сундучком, в котором, как выяснилось, был инструмент. Сначала Файф поселился в закутке за гаражом Чарли Крюгера, где и развернул свою маленькую мастерскую. Часовых и заточных дел мастер — вот кто он был. Он стал ходить от калитки к калитке и спрашивать хозяек (днём обычно дома одни женщины), не надо ли починить часы, или наточить мужьям бритву, или стамески, или рубанок — в общем, инструмент с режущей кромкой. За часы он, впрочем, брался гораздо охотнее. Если хозяйка спрашивала: «Вы не поострите мне ножницы?» — Файф мотал головой и со своим шотландским выговором отвечал: «Ножницы — это инструмент. Инструмент не острят, а затачивают. Я заточник, работаю по науке!» И делал он так: сперва затачивал, а после неспешно доводил и правил. Если его начинали торопить, он сердился, бросал работу и уходил. Впрочем, вскоре все убедились, что в своём деле он и вправду мастер, — даже плотники начали носить к нему инструмент; и часы он чинил лучше всех в городе, к тому же брал дешевле других часовщиков.

Первое время считали просто чудачеством, что он не говорит, а кричит, — речь у него вполне здравая. Но вот как-то раз, ни с того ни с сего, он принялся метаться по улицам, вопить всякий вздор. Потом заперся у себя в комнатке и появился лишь два дня спустя в своём обычном виде. А старик-то болен и, похоже, не на шутку, — решили тогда, но подобное долго не повторялось, и случай мало-помалу забылся. Поговаривали,

что с головой у Файфа не совсем ладно, но, в общем, терпели его, как терпят отъявленных чудаков. Со временем у старика даже завелись приятели, не то чтобы близкие, а так, с кем словом перемолвиться: Том Смайд, кузнец; братья Бенсон, смотрители телеграфной линии; Том Ярд, извозчик с прекрасной парой лошадок. Но и на приятелей Файф кричал. Слова были вполне дружелюбные, но со стороны могло показаться, что старик злится и вздорничает. Самым безумным предприятием Файфа стал его переезд к реке. В одном из тенистых мест на берегу Малого Муррея он обнаружил большой коробчатый котёл, который лежал здесь давным-давно. Расспросив жителей, Файф узнал, что котёл принадлежит его приятелю Тому Смайду, а берегом ведает Комиссия по речным угодьям и водопользованию штата Виктория. Файф купил у Тома котёл и внёс два фунта за годичное пользование небольшим участком вокруг котла. Затем с помощью того же Тома прорезал в одной из стенок пару оконце, и старый котёл превратился в весьма занятный домик. Мальчишки, которые купались выше по течению, говорили, будто котёл — со старинного парохода «Манду», что бегал по Муррею тридцать или сорок лет назад и затонул в одной из излучин. Но у речных пароходов таких больших котлов не бывает; на самом деле это была часть несостоявшейся водонапорной системы, с помощью которой хотели подавать воду из Малого Муррея в оросительный канал, — хотели, да передумали, даже не успев привезти насосы.

Файф Мак-Фи немало потрудился и обустроил котёл на славу, а со временем снабдил его небольшой боковой пристройкой, где расположил мастерскую. Впрочем, жители городка об этом лишь догадывались, ведь внутри пристройки и котла никому ещё не удалось побывать. Снаружи старик выкрасил дом в красный и зелёный цвета, пустив в обвод волнистую голубую линию. В довершение он окружил жилище частоколом, на калитку повесил табличку, на одной стороне которой было выведено «Дома», а на другой «Нет дома», и всякий раз, уходя или приходя, поворачивал её нужной стороной. Со стороны реки (под окнами) разбил цветник, с другой стороны – огород, под большим эвкалиптовым деревом поселил кур-несушек. Сам котёл помещался в тени

перечного дерева* и другого высокого суховерхого эвкалипта. Таково было место, где обосновался старый Файф, желая жить своей странной, потаённой жизнью, как настоящий нелюдим.

В городе слыл он человеком вполне безобидным, несмотря на злополучные приступы сумасшествия; вот только общаться с ним было тяжело, потому что он не умел разговаривать иначе как ором. Казалось, он не умеет слушать других, — как он ещё улавливает, что ему говорят?

Иногда с ним случался особенный приступ, вызывавший много толков среди горожан. В один прекрасный день он хватал кувалду и принимался бить котёл в бока, в крышу, в дно, так что внутри рушилось убранство; при каждом ударе выкрикивал: «Не было, говоришь, в тебе пара? Не было? Так получай, получай!» Минут пять неслись тяжкие, гулкие удары, потом ярость иссякала, и старик опускался на крылечко, обхватив голову руками, — притихший, обессиленный, ничуть не похожий на вздорного крикуна шотландца, каким привыкли его видеть.

Всё это было до появления Плеваки. Но вот как-то в начале лета Файф исчез, а через две недели вернулся с пятилетним мальчуганом. Из обиняков старика поняли, что это его внук, Ангус Мак-Фи. Но откуда мальчик

* Перечное дерево — так называют в Австралии одно из деревьев семейства магнолиевых, кора и листья которого источают пряный запах, напоминающий запах перца. (Здесь и далее примечания переводчика.)

родом и зачем оказался у деда в Сент-Элене? Большинство думало: ребёнок погостит недели две, а потом Файф увезёт его обратно к матери, есть же у него где-то мать. Однако прошёл месяц, а мальчик всё жил в котле; Файф тем временем взялся возводить новую пристройку — настоящий маленький флигель. Днём и ночью кипела у него работа, часто люди в домах за железной дорогой слышали за полночь, как стучит его молоток. Решили лучше не спрашивать, отчего Файф торопится; когда же Файф закончил свой труд, то взорам любопытных предстал крошечный тесовый домик из двух комнат, под крышей из рифлёного железа; высоты в нём едва набиралось восемь футов, но сработан он был на редкость ладно и прочно. В качестве заключительного аккорда Файф выкрасил его в красный и зелёный цвета, как котёл, и с таким же голубым волнистым обводом. Многие горожане получали удовольствие от воскресной экскурсии к новой постройке Файфа, — кроме тех, кто пялился слишком явно и вызывал тем самым вспышку ярости у старика.

В эту же пору жители городка впервые соприкоснулись с пятилетним мальчиком. Дед всюду водил его с собой, и тот во всём подражал деду. Вызывающе кричал — под стать Файфу; сплёвывал (или пытался сплёвывать), как Файф, который курил коротенькую трубку и то и дело харкал. Неудивительно, что скоро мальчишку иначе и не звали, как Плевака Мак-Фи. Он принял прозвище благосклонно — к счастью для себя и для

других ребят: ведь не понравься оно ему, не миновать бы потом в школе стычек. Пока он ещё не ходил в школу; характер его только складывался, но уже весьма напоминал дедов; сплёвывая – старательно, неумело, всухую, – он самоутверждался. Скоро он превратился в загорелое, голоногое подобие своего деда, а тот, хотя и орал на внука, усмирять его, похоже, не думал. К концу лета Плевака получил полную свободу и бродил где ему вздумается – в городе, на берегу реки, даже на Пятничный остров добирался. Плавать он научился в первые же дни, и река стала его родной стихией. Плевака никого и ничего не боялся и вёл себя так спокойно-независимо, что некоторые женщины, прежде всех Бетти Арбакл, забеспокоились. Что может вырасти из ребёнка, который в шесть лет разгуливает сам по себе; такая свобода пагубна! Тут Бетти Арбакл впервые задумала порадеть о будущем Плеваки: он нуждается в надёжном пристанище, в заботе – всё это он найдёт в доме воспитания...

Однажды в понедельник утром – Плевака жил у деда уже три месяца – Файф установил табличку на калитке в положение «Нет дома» и, взяв Плеваку за руку, зашагал к станции. Там они сели на поезд, следующий в Бендиго – большой город в ста милях к югу. На следующий день вернулись, и не одни: с ними была высокая дама. Люди не сразу сообразили, кто

она такая. Старик, мальчик и женщина сошли с поезда последними; похоже, дама хотела остаться незамеченной. Но как было не обратить на неё внимание? Описываемые события происходили в 30-е годы, в моде были короткие юбки, на ней же – юбка по щиколотку. И что самое странное, лицо её чуть ли не по шею скрыто коричневой вуалью, из-под которой видно лишь несколько рыжих прядей. Она была в перчатках и вела Плеваку за руку; старик нёс чемодан. Троица направилась прямохонько к двуколке Тома Смайда; знать, Файф заранее договорился с приятелем-кузнецом. У двуколки была овальная приступочка, чтоб удобней залезать на обитое войлоком сиденье; дама под вуалью сумела подняться туда лишь с помощью Файфа и Плеваки. Но вот все уселись, и двуколка покатила к домику у реки. Люди поняли, что это мать мальчика и что Файф пристроил флигелёк специально для неё.

Наружу она почти не показывалась, лишь изредка сидела в садике, в шезлонге, под низко нависающим выцветшим зелёным тентом. Иногда
лущила горох, чистила картошку
или шила, но

чаще сидела просто так, словно ничто другое ей не по силам. Ни с кем из прохожих не заговаривала: даже если здоровались, не отвечала. Кто-то видел с ней Плеваку: лёжа у неё на коленях, мальчишка болтал в воздухе ногами. Чего никто никогда не видел, так это её лица.

Немного спустя обнаружилась разгадка. К миссис Андерс приехала погостить сестра из Бендиго и вспомнила, что читала в «Бендигском вестнике» заметку об одной трагедии. В посёлке Белые Холмы близ Бендиго случился пожар в доме. Хозяин, Мердок Мак-Фи, вынёс из огня сына, потом жену, но сам скончался по пути в больницу от ожога лёгких. Миссис Мак-Фи тоже получила сильные ожоги — кажется, у неё обгорело лицо, спина и руки, да и лёгкие пострадали. Только мальчика судьба пощадила, он остался невредим.

Людам свойственно сострадать ближнему, и вполне естественно, что большинство жителей Сент-Элена прониклось к семейству Мак-Фи сочувствием. Но проявить его на деле было затруднительно: на все вопросы и предложения помочь старый Файф отвечал враждебными выкриками. Особенно трудно было Бетти Арбакл, ведь она беспокоилась не только о мальчике, но и о его матери. Ибо мать также нуждалась в помощи; не просто в помощи — в спасении, которое даёт евангельская вера! Однажды, не устранившись ни дьявола во плоти, ни преград, Бетти попробовала нанести визит больной, но наткнулась-таки в саду на Файфа. Старик бросился на неё, грозно размахивая лопатой, — пришлось

бежать. «Шпионить вздумала, лицо её захотела увидеть? Ещё раз появишься – в реке утоплю!» – кричал Файф вслед.

Плевака в то время был слишком юн, чтобы встретить гостью ведром речной воды, и Бетти не обращалась к сержанту Коллинзу, потому что знала: как и большинство граждан, тот на стороне Мак-Фи. К тому же Бетти не могла не признать: после приезда снохи Файф поумерил свой нрав, хотя и рычал на всех, кто предлагал помощь. Зато больше не буянил, не шумел на улицах, не напускался на котёл с кувалдой. Когда Плеваке подоспело время учиться, старик сам привёл его в школу; на Плеваке была чистая мятая рубаша и чистые штаны, вот только ноги босы. Теперь мальчик часть дня был под присмотром и в реке купался реже (начинался осенний паводок) – бродил по берегу, внимательно наблюдая за течениями... Одно не менялось – манера общения деда и внука: они по-прежнему перекрикивались. По утрам, когда Плевака собирался в школу, жители домов за железной дорогой слышали, как он громко обменивается любезностями со стариком.

Так, не солнечно и не хмуро, шла жизнь семейства Мак-Фи – и вдруг непоправимо омрачилась. Холодным, сырым зимним днём скончалась мать Плеваки. До похорон об этом знали лишь доктор Стивенз да пресвитерианский пастор Мак-Кензи. За гробом шли двое – старик и внук. Случившееся опечалило горожан; Бетти Арбакл оплакивала несчастную, чьё лицо было

скрыто от посторонних. И Бетти ужасала мысль, что мальчик мог видеть это лицо, – какое страшное потрясение для детской души!

После похорон старик и Плевака заперлись на два дня, и никто не слышал, чтоб они кричали друг на друга. Спустя неделю Плевака снова ходил в школу, после уроков разгуливал... Снова они с дедом общались криками, снова Файф стал появляться на улицах, осыпая яростной бранью всякого встречного...

Плеваке было семь лет, когда умерла его мать. Теперь ему минуло десять («Мне почти одиннадцать», – отвечал он на вопрос о возрасте); три года в Бетти копилась решимость устроить его жизнь; вот почему отправилась она в очередной поход к домику-котлу на берегу реки, вот почему хотела привлечь на свою сторону сержанта Коллинза.

«С мальчиком надо что-то делать. Старик им совершенно не занимается, он растёт дерзким, своевольным, со всеми, даже со старшими, держится за равного. Он не ведаёт духовного наставления – не бывает ни в своей пресвитерианской церкви, ни в воскресной школе. К тому же он, наверное, не приучен к порядку, к элементарной чистоте... Если не протянуть ему руку помощи, разве сумеет он стать добрым христианином? Помочь, непременно помочь ему!..» С такими мыслями шла домой Бетти Арбакл – прелестная, несмотря на нелепую стрижку и старушечьи туфли, и всё ещё мокрая от вылитого на неё Плевакой ведра воды. Она твёрдо

решила – никакая брань, никакие оскорбления старого безумца не остановят её. Она запела свой любимый гимн:

Душу Господу вручаю,
Он отец мой неземной.
На спасенье уповаю –
Верой истинной, живой
Всея спасётся,
Всея спасётся
Верой истинной, живой.

Следующий куплет, самый дорогой для неё, заканчивался так:

Сильный милостью своей,
Дай мне силы,
Дай мне силы,
Чтоб спасти других людей.

В последней строчке Бетти пропела: «Чтоб спасти других детей». Ибо, по её разумению, не было дела более угодного Богу, чем спасение юной души. Рано или поздно она вызволит мальчика из этого дома, в котором не знают Господа.